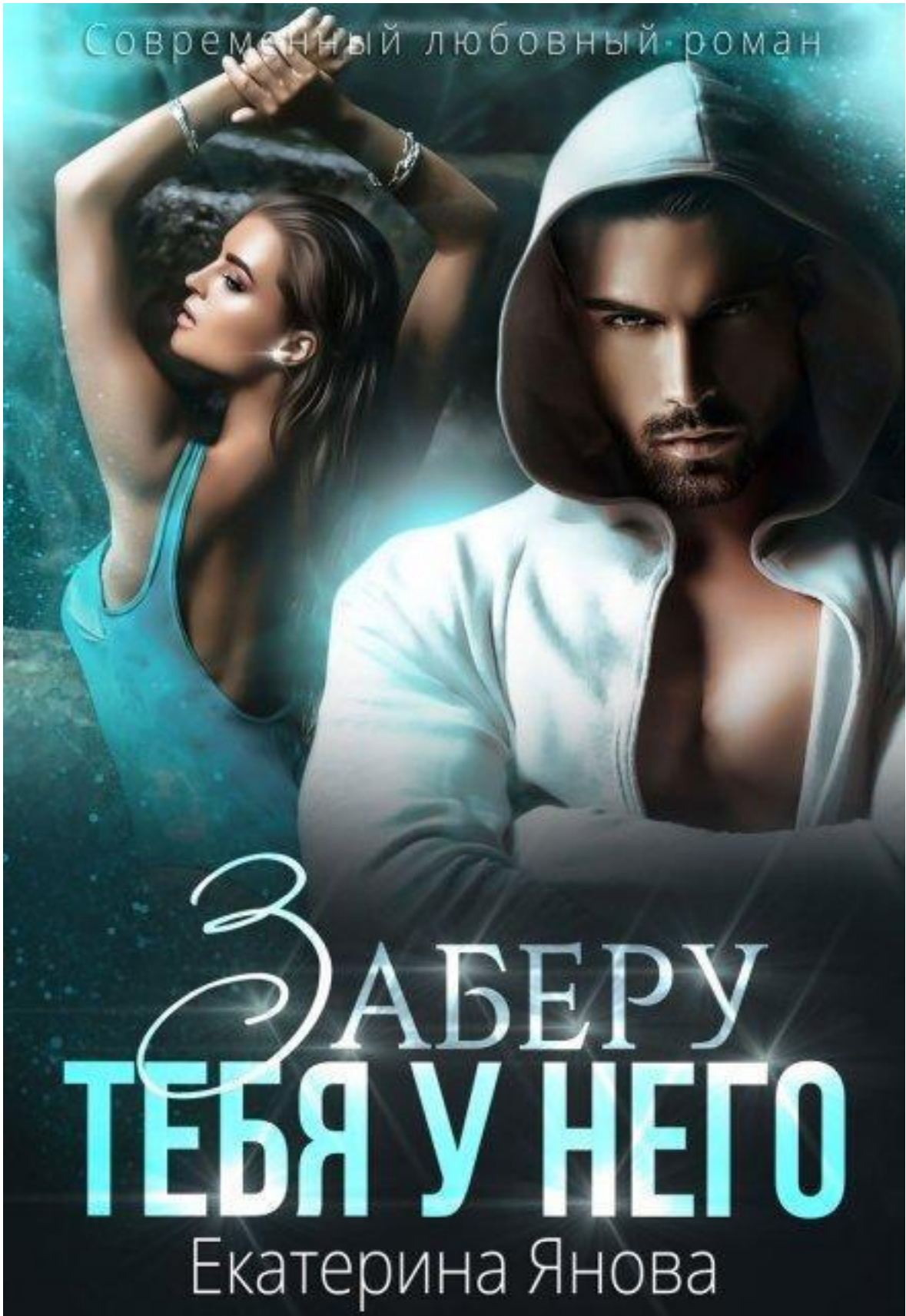

Современный любовный роман

ЗАБЕРУ ТЕБЯ У НЕГО

Екатерина Янова

Екатерина Янова
Заберу тебя у него

«Литнет»

2024

Янова Е.

Заберу тебя у него / Е. Янова — «Литнет», 2024

– Зачем ты меня спас? Не надо было, – всхлипывает Соня. – Надо, – твердо отрезаю я. – Он все равно меня убьет, – шепчет обреченно. – И тебя. – Пусть попробует. Кишка тонка. Пойдем. Тебе согреться надо, – встаю сам и поднимаю ее под руки. – Не надо, – дрожит, как осиновый листок. – Брось меня пока не поздно. Ты не знаешь. Он страшный человек. – Я страшней. И я тебя у него заберу. ХЭ обязателен! ----- История Наташи и Кости - «Ловушка для строптивой»; - История Марго и Амина - «Чувства в клетке»; - История Егора и Вероники - «Жена из прошлого»; - книги цикла читаются отдельно.

© Янова Е., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	17
Глава 4.	19
Глава 5.	22
Глава 6.	26
Глава 7.	29
Глава 8.	33
Глава 9.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог.

Он снова пришел и ушел. Взял то, что ему было нужно, и оставил меня одну, в растрепанной одежде и растрепанных чувствах, на которые ему плевать.

Я так и сижу в прихожей на полу, вещи мои валяются тут же. Смятая блузка, которую я сегодня так тщательно наглаживала и юбка.

Я сама чувствую себя точно также. Смятой и выброшенной, использованной и больше не нужной.

Он приходит, когда ему удобно, берет так, как ему хочется, и уходит опять к ней. В любовном треугольнике нет счастливых, нет победителей. Все проигравшие.

Началось это шесть лет назад. Я тогда только закончила универ и искала работу. Брать вчерашних студентов без опыта никто не хотел, поэтому поиски мои затянулись. Когда меня все же взяли помощником бухгалтера в одну крупную фирму, я была безмерно счастлива. Серьезных дел поначалу мне не доверяли, чаще всего я перебирала тонны бумажек, разносила их по отделам и по полдня жила возле ксерокса.

Захар работал на тот момент обычным специалистом в одном из отделов. Так уж случилось, что ксерокс стоял напротив их кабинета. Я сначала не могла понять, почему дверь к ним всегда открыта. Потом стала ловить на себе жадные взгляды мужчины, сидящего прямо напротив открытой двери.

Оказывается, тогда он меня и заметил, и дверь специально открывал, чтобы пялиться на меня. Потом мы познакомились, начали встречаться. Я влюбилась без памяти. Он тоже говорил слова любви, мы были очень счастливы, так мне казалось.

Наши отношения на работе мы тщательно скрывали, но Захар меня убедил, связано это с тем, что на предприятии запрещены близкие отношения между сотрудниками. Узнают – уволят обоих. Мне казалось это достаточно веским аргументом, поэтому я слепо верила, тем более, что это добавляло в наши отношения азарта и таинственности, которые так будоражили кровь.

Мы могли целый день обмениваться жаркими взглядами, пошлыми смсками, а потом встретиться в подсобке подвального помещения и предаваться бешеному сексу.

Я витала в ванильных облаках, не замечая ничего вокруг, радовалась безумно за Захара, когда его из простых специалистов перевели в начальники отдела. Искренне верила, что связано это с его необычайными талантами.

В целом так оно и было, только таланты емугодились совсем не те, о которых думала я.

Тем летом все коллеги бурно обсуждали предстоящую свадьбу дочери шефа. Поговаривали, что выбрала она себе в мужья простого парня, чему отец был совсем не рад. Я в эти разговоры вникала мало, а зря. Потому что однажды для меня стало настоящим шоком узнать, что тот самый простой парень и есть мой Захар.

Я не верила в этот бред до последнего, надеялась, что не так поняла, что это ошибка. Но все подтвердилось тем же вечером, когда я задержалась специально на работе, чтобы дождаться Захара.

Я увидела его вместе с ней. Он помогал ей сесть в машину, по дороге жарко обнимая и целуя. Этот день я не забуду никогда. Я смотрела на эту картину и понимала, что умираю. Внутри меня бушевал пожар, мне казалось, что сейчас мое тело тоже начнет пылать, что весь мир сгорит в моем огне, но ничего не происходило. Вокруг стояла все та же мебель, за окном бушевало лето, только внутри меня все превращалось в пепелище.

В тот день я не смогла пойти домой. Спустилась в нашу подсобку в подвале, закрылась там и рыдала на полу всю ночь. С работы я уволилась уже на следующий день. Меня даже не заставили отрабатывать две недели, чему я была несказанно рада.

Захару написала смску, где пожелала счастья, и попросила больше не искать меня. Не хотела его ни видеть, ни слышать.

Он заявился ко мне в тот же вечер. Умолял простить его, рассказывал, что у него не было выбора, что он платит огромный кредит за лечение матери. Тогда я еще верила ему.

Намного позже я узнаю, что кредит он платил за машину, разбитую в аварии в состоянии сильного алкогольного опьянения. В том ДТП еще и девушка сильно пострадала, а наш шеф, отец на тот момент уже его невесты, помог все это замять.

Но все это я узнала потом, а тогда, любящее сердце верило и болело, умоляло простить. Сдалась я не сразу, но Захар был настойчив. Обещал бросить нелюбимую невесту.

Сколько раз я слышала эти обещания, сначала про невесту, потом уже про жену. Я ненавидела ее, ненавидела Захара, ненавидела себя за то, что не могу оборвать этот круг.

Я ненавижу себя и сейчас. Но теперь мне уже все равно. Я почти смирилась со своим бессилием. Я поняла, что он никогда ее не бросит и меня не оставит в покое, слишком много зависит от этого брака, его положение только на нем и держится. Он готов отказался от жены и детей, но не от денег и власти, да и я ему в качестве жены не нужна. Ему нужна послушная игрушка, с которой можно расслабиться и забыть о ней до следующего раза. А жена важна еще и для поддержания безупречного образа.

На сегодняшний день Захар практически полностью прибрал к рукам бизнес тестя, но по-прежнему во многом от него зависит.

Захар сильно изменился за эти годы. Из нежного когда-то мужчины превратился во властного, жесткого тирана.

За эти годы было всякое. Я много раз пыталась уйти, скрыться. Но он всегда находил меня и возвращал. Сегодня от моей любви уже не осталось и следа. Она переросла в лютую ненависть. Я искренне просила его отпустить меня, дать жить своей жизнью, но он ясно давал понять каждый раз, что не допустит этого. Я на всю жизнь осталась его игрушкой, у которой нет права на личное счастье.

Захар полностью подчинил меня морально, материально и физически. Он оказался страшно ревнив. Работать мне не разрешал, и сейчас моей единственной отдушиной стали танцы.

Я еще в школе ходила в танцевальный кружок. В институте я занималась танцами профессионально, а потом, когда вышла на работу, пришлось бросить это занятие. Не было ни времени, ни денег.

Когда я уже полностью завязла в отношения с Захаром, я попыталась вернуть любимое занятие в свою жизнь, но он был категорически против. Но я выбила себе право заниматься любимым делом буквально кровью. Захар пошел на уступки не просто так, а после того, как со мной случилось страшное, по его вине.

Это случилось два года назад. У него на тот момент уже подрастал сын. Ему было чуть больше года. Тогда я еще на что-то надеялась, еще верила его обещаниям, что он бросит жену. Я очень тяжело переживала известие о ее беременности. Мне казалось, что это конец. Тогда была очередная попытка все оборвать, которая снова закончилась крахом.

Я помню, как часами рассматривала их семейные фото, которых было множество в соц. сетях. Видела их счастливые лица, проклинала всех, себя и эту жизнь. Идеальная картинка, за которой только фальшь.

Потом родился ребенок, Захар стал реже приходить ко мне. Тогда меня это расстраивало. Я думала о его подрастающем сыне, и у меня внутри все переворачивалось. Мне тоже хотелось кого-то такого маленького и родного, чтобы он любил только меня, а я его.

Тогда я втайне от Захара перестала пить таблетки. Нет, я не надеялась, что этот ребенок привяжет его ко мне, я просто хотела обрести смысл в жизни, получить кусочек своего персонального счастья.

Через несколько месяцев беременность случилась. Я была очень рада. Но боялась говорить Захару. И не зря. Потому что когда он узнал, то страшно взбесился. Я его таким никогда не видела. Он говорил такие вещи, от которых у меня волосы вставали дыбом. Тогда он первый раз по-настоящему поднял на меня руку. До этого я видела жестокость с его стороны, но дальше пары пощечин дело не заходило. А тут, он пустил в ход кулаки, а потом и ботинки. Он бил меня целенаправленно по животу, приговаривая, что я тупая сука, не имела права решать за него. Что с этого дня у меня вообще больше не будет прав, что я должна только сидеть и ждать, когда ему захочется меня трахнуть.

Долго я отходила после того вечера. Конечно, беременность сохранить не удалось. Мне даже в больницу не дали обратиться. Захар ночью отвез меня в какую-то занюханную больницу, где какой-то перепуганный докторишка провел все необходимые процедуры и отправил меня домой.

Жить мне тогда не хотелось. После неудачной попытки вскрыть вены, Захар приставил ко мне тетку, которая ходила за мной и следила, чтобы я не выкинула чего-то еще, насильно заставляла есть. Я делала все это, но к жизни не возвращалась. Я впала в какое-то состояние протрации, перестала обращать внимание на время суток, окружающие предметы.

Захар не приходил около месяца. Потом стал появляться, просить прощения, заваливать подарками. Но все это было уже бесполезно. Внутри я умерла окончательно и бесповоротно. Наверное, он понял тогда, что перешел черту, что я уже не буду прежней. Тогда он пошел на уступки и разрешил мне заниматься танцами. Теперь они являются моей единственной отдушиной, не позволяющей сойти с ума.

Сейчас я не только занимаюсь танцами сама, но и преподаю хореографию детям. Эти маленькие создания, их неиссякаемая энергия и позитив передаются и мне. Захар не знает о моей подработке. Или делает вид, что не знает.

Вообще, после того случая он ослабил контроль, даже на пару месяцев потерял ко мне интерес. Потом вернулся, но я уже не ощущала на себе того маниакального давления. Он больше не следил за мной, он просто предупредил, если изменю ему – убьет обоих. И если раньше я могла воспринять это как плохую шутку, то после того, как он собственноручно убил во мне своего ребенка, я ему верила и боялась.

Раньше во мне жила любовь, а теперь панический страх и ненависть. Я действительно боюсь Захара, стоит ему взглянуть на меня злым взглядом, все внутри замирает, и я лишаясь воли.

Я превратилась в совершенно слабую, никчемную игрушку, у которой даже нет сил бороться. Я больше не строю планов на будущее, живу одним днем, бегу с радостью в студию танцев и как на каторгу возвращаюсь домой, потому что в любой момент может раздаться звонок в дверь, и придет он.

Хотя последнее время Захар стал приходить не так часто. Иногда раз в неделю, иногда реже. Я перестала сидеть дома, стала выходить гулять. Я вспомнила о подругах и знакомых, мы снова стали общаться с Наташкой Соколовой, мы с ней учились вместе в универе, только она на три курса старше. Я заряжалась от нее энергией, уверенностью, способностью быть хозяйкой своей жизни.

Про Захара она знала, но без подробностей. Думала, что в моей жизни он просто женатый любовник, а не бросаю я его потому, что люблю. Неприятные подробности я не рассказывала, хотя она всегда мне советовала бросить Захара. У меня не хватало духа рассказать Наташе, что я просто маниакально боюсь этого человека, и что он не позволит мне уйти.

Вот так я и живу сейчас. Иногда мне хочется оборвать этот бесполезный бег.

Но потом я вспоминаю, что завтра меня ждут мои детки. У нас скоро конкурс и надо готовиться. А Захар теперь точно не придет две недели, я слышала, как он обсуждал свою командировку с кем-то по телефону.

Снова собираю в кулак остатки сил. Встаю и иду в ванную так, как будто на ногах железные колодки, а на плечи давит мешок с песком. Пытаюсь тяжело вздохнуть, чтобы сбросить с себя этот груз. Получается плохо, но я привыкла.

Будет новый день и, может быть, станет легче.

У Наташи завтра девичник. Захар в командировке. Смогу хотя бы отвлечься от своих терзаний...

Глава 1.

Андрей.

Смотрю на вывеску бара и не понимаю, что я здесь делаю. Бред какой-то. Самый отстойный мальчишник, который я только помню.

Потому я с него и сбежал.

И нет бы поехать домой и выспаться, но не смог отказать друзьям, а они слезно попросили поехать в бар, где гуляют их девчонки и незаметно проследить, чтобы те никуда не вляпались. Параноики хреновы.

Вот что с нормальными мужиками делают бабы! Такое ощущение, что у них есть секретный прием, которым они вскрывают мужикам голову, и мозг у них утекает. Раньше я думал, что это сорт мужиков такой, которым только дай повод за бабой пострадать, но мой друг Костян всегда был нормальным.

Сколько мы с ним всего пережили, сколько девок в молодости попортили, да и потом неплохо зажигали под настроение. Вот о ком, о ком, но о нем я бы такого никогда не подумал. И вот на тебе. Сегодня у Кости мальчишник и он, вместо того, чтобы наслаждаться последними днями свободы, сидит и переживает, не влипла ли его невеста в неприятности.

Я-то думал, мы оторвемся по-взрослому, с морем спиртного и девочками, а вместо этого слушал весь вечер переживания о том, как там дела у Наташеньки с Вероничкой. И вот теперь я сижу за барной стойкой и пью виски, поглядывая на веселую бабскую компанию.

Пока ничего страшного не вижу. Пять баб сидят, ржут как лошади, пьют, кстати также. По крайней мере, одна из них, самая симпатичная, точно.

На ней мой наметанный взгляд сразу заливает, она из всей компании выделяется ярким пятном. И дело даже не в синем платье, которое как вторая кожа облегает ее гибкую фигурку. Весь ее ладный образ, длинные темные волосы, мелодичный голос и смех не способны оставить равнодушным ни одного мужика.

Только, что же она бухает, как заправский пьяница? И подружки ее вроде как не видят? Опрокидывает в себя рюмку одну за одной, и что-то закусывать не торопится.

Две мадам их пяти прощаются и сваливают, а темноволосая красотка отправляется на танцпол. Нетвердой походкой выходит на середину и начинает плавные движения.

Двигается она отпадно, выделяясь из общей толпы дергающихся и скачущих кое-как тел. Заканчивается одна песня, начинается другая. Многие покидают танцпол, потому что играет медленная музыка. Остаются всего несколько пар и девчонка.

О-о-о, а детка в дрова. Но это не мешает ей двигаться так, что я чувствую резкое напряжения в штанах. Заворожено смотрю, как извивается эта кошка. Манящей походкой плывет к небольшой сцене, изящно забирается на нее, и вот она уже у шеста... Теряю челюсть...

Жаркие шоу в этом заведении начинаются после полуночи, поэтому сейчас сцена пустует. Ее занимает темноволосая красавица и начинает взрывать мне мозг. Что она творит?

Все мужики в зале пялятся на нее, у меня вообще дар речи пропал. Нет, она не делает чего-то совсем неприличного, просто танцует, опираясь на шест, мягко скользит по нему, приседая и медленно поднимаясь, но каждое ее движение наполнено такой эротикой, что у меня во рту пересыхает. Это секс в чистом виде. Она сейчас имеет всех мужиков в этом зале, хотя не смотрит ни на кого, ее глаза закрыты, похоже, она полностью поглощена танцем. Музыка становится немного быстрее, ее движения тоже, она в очередной раз прогибается, ведет нежной рукой по бедру, резко перебрасывает густую копну волос на другое плечо, приседает и, совершив волнообразное движение всем телом, поднимается. Ее короткое платье показывает длинные стройные ноги и кусочек резинки чулок, все на грани фолы, безумно чувственно и откровенно.

Дышу через раз. Что со мной? Я разве мало ходил по стрип-барам? Приватные танцы и голые тела стриптизерш давно перестали зажигать. А здесь и сейчас, что происходит?

Наверное, это потому, что у меня давно девки не было. Все некогда, все дела. Надо найти себе на ночь какую-нибудь ласковую малышку, а то скоро начну на людей бросаться.

А эта маленькая ведьма продолжает жаркое шоу. Кажется, она срывается с музыкой, не просто танцует, а рассказывает о чем-то движениями.

Подхожу ближе, заморожено ловлю каждую пульсацию ее гибкого тела, поворот, взмах головы. Очередной плавный подъем у шеста, на несколько мгновений замирает в чувственной позе, чтобы через секунду резким движением закрыть волосами лицо, на котором я замечаю слезы. Они текут из-под плотно сжатых век, обрамленных длинными ресницами.

Что это? Я такого не видел раньше. Почему она плачет? Для чего делает это сейчас? К чему этот жаркий танец, заводящий и рвущий душу?

Музыка гремит завершающими аккордами, но девчонке не дают закончить танец, к сцене подскакивают два дебила, которые тянут к ней руки, пытаются стащить со сцены. Девчонка пытается от них отбиться. Вместе со мной к сцене подлетает Костина зазноба, Наталья, и пытается вмешаться.

Вот только этого мне не хватало. Понимаю теперь, почему друг переживал, она у него вообще без тормозов. Налетает на здоровых мужиков и начинает орать:

– Руки убрали от нее, быстро!

– Ты чё орешь, – возмущается мужик, – она может с нами хочет, да красавица?

– Нет. Не хочу! – верещит девчонка, пытаюсь вырваться из крепких объятий.

Вижу, Костина невеста сейчас полезет в драку, спешу вмешаться.

– А ну отпустил ее! Или сейчас без зубов останешься!

– Мужик, отвали. Я первый подошел, – начинает бычить пьяный урод. – Девочка просила мужского внимания, вот сейчас и получит.

– Или получишь ты! Руки убрал! – подхожу, грубо вырываю девчонку из его клешней.

Мужик багровеет от ярости, замахивается, но я трезвее и быстрее. Бью его в челюсть. Непонятливый улетает на несколько метров, сносит какую-то аппаратуру и падает за сценой. Грохот, крики, хаос. К нам уже несутся его сотоварищи. Первым подлетает крепкий мужик, тоже выхватывает, но не падает, а бросается на меня вместе с кем-то еще из их компании. На меня сыплются удары, я сыплю ими в ответ. В крови бушует адреналин.

Давно я не влипал в хорошую драку. А драку я люблю. Меня эти пьяные задроты только раззадоривают. Я побывал в таком аду, после которого пьяной дракой меня не напугать. Раскидываю их с легкостью, не успев даже вспотеть. Только вхожу в раж, как подлетает охрана и растягивает нас по углам. Жаль. Я только нацелился одному мажору сломать нос.

– Я тебя урою! – орет с бешеными глазами тот.

– Ага, испугался, задрожал! – встряхиваю кулаки.

– Тихо, тихо, мужики, – влипает охрана. – Все разборки за пределами клуба.

Все как всегда. За углом можете поубивать друг друга, лишь бы не у нас. Вырываюсь из лап охранника.

– Пусти. Я спокоен.

Самых резвых уводят друзья, явно ненастроенные продолжать бойню.

Я оборачиваюсь в сторону девчонок. Они стоят в стороне. Рядом с ними Ванька – горе-охранник Костиной невесты и мой подчиненный, по совместительству.

Мы с Костей вместе владеем охранным агентством, и этого дебила я сам определил присматривать за Натальей. Где же он раньше был? Подхожу к честной компании, Ванек вытягивается в струнку.

– Здравствуйте, Андрей Михайлович. А вы что здесь делаете? – хлопает глазами.

Вот, дебил. Сдал всех с потрохами. Я вообще-то не собирался палиться. Думал узнать, все ли у девочек в порядке и свалить по-тихому.

– Твою работу выполняю. Ты где был, бестолочь?

– Так Наталья Павловна мне велела в машине ждать. Сказала, если надо будет, позовет. Вот сейчас позвала, я пришел, – оправдывается он.

– Ага. Только пока ты шел, их бы тут на ленточки порезали. И что бы ты потом Косте сказал, м? – наезжаю на него. Стоит и лупает глазами, настоящий дебил. – Я с тобой потом поговорю. Иди, – отпускаю его.

Рассматриваю бабскую компанию.

– Ну что, нагулялись? – спрашиваю со вздохом. – Пора по домам?

– Это мы сами решим! – дерзко так заявляет Костина невеста, рассматривая меня с недовольным прищуром.

Поворачивается к своим спутницам, вернее к одной. Плясунью с длинными волосами совсем развезло, она лежит на столе, спрятав лицо в сложенные руки.

– Что, девочки, домой? – спрашивает Наталья.

– Да, – говорит вторая, – Я уже устала и перенервничала. Пора домой.

Не жду, пока они там договорятся, достаю телефон и звоню друзьям, чтобы ехали за своими зазнабками.

Парни приезжают быстро, девчонки собираются уходить. Но возникает проблема. Спящая на столе красавица никак не хочет вставать. Подруги честно пытаются привести ее в чувство, но получается у них хреново. Вот вопрос, как эта мадам выдавала такие пируэты на сцене и даже ни разу не грохнулась, если сейчас даже встать не может?

Приходится снова прийти на помощь и взять девчонку на себя. Подхожу, обнимаю ее за плечи, помогаю подняться и буквально тащу ее на себе к выходу.

– Аккуратнее с Соней! – распоряжается Наталья.

Вот вредная баба, что Костя в ней нашёл, для меня большой вопрос. А девчонку, значит, зовут Соня. Надо запомнить.

– Надо было аккуратнее пить, – огрызаюсь я, – тогда и проблем не было бы.

– Подумаешь, наша девочка немного не рассчитала силы. А то ты ни разу не напивался.

– Немного не рассчитала силы? Да она заливала в себя алкоголь, как заправский алкаш. А вы куда смотрели?

– Подумаешь, хотелось девчонке напиться. У нее на то есть свои причины. А ты, я так понимаю, давно за нами шпионил? Что, Костя послал?

– Ага. И теперь понимаю, почему. У вас талант влипать в истории.

– Ой, да ладно. Не причитай! – небрежно отмахивается от меня.

Добираемся до парковки, где нас ждут друзья. Сдаю им их драгоценных невест и затапливаю Соню в свою машину. Она немного ожила, даже сама передвигает ногами, правда, как только попадает в теплый салон, почти сразу вырубается у меня на плече.

И что с ней делать? Что же я адрес не спросил, пока она еще шевелила языком? А водитель везет нас, я так понимаю, в сторону моей квартиры, ведь я ничего не сказал о месте назначения, и он, видимо, понял, что девчонка отправляется со мной.

Конечно, можно набрать Костю, чтобы узнал адрес у Натальи, но правда в том, что мне не хочется отпускать эту красавицу от себя. Сейчас она такая тихая и красивая на моем плече в слабом свете городских огней. Если бы еще от нее не разлило алкоголем, было бы вообще чудесно.

Ладно. Окончательно решаю не менять маршрут и отправиться с ней в свою квартиру. Кажется, у меня в крови разыгрывает древний инстинкт затащить понравившуюся самку в свою

берлогу. Кстати об инстинктах. При воспоминании о ее танце в штанах снова твердеет. И близость ее алых губ ничуть не добавляет трезвых мыслей.

Поддаюсь желанию, трогаю ее слегка приоткрытые губы. Какие они сочные. Так бы и съел. От глупых мыслей меня отвлекает водитель, который сообщает, что мы прибыли на место. Теперь надо дотащить это прекрасное тело до квартиры, а вот что делать с ней дальше, я еще пока не решил...

Глава 2.

Смотрю на девчонку, лежащую на моей кровати, и начинаю приходить в себя.

Для чего я притащил ее в свою комнату? Это точно было помутнение рассудка.

Я ведь всегда сплю один. На ночь никаких баб не оставляю. Мне так спокойнее.

С моим прошлым ночные соседи ни к чему. Сейчас, когда прошло уже немало лет после моего возвращения к мирной жизни, демоны войны немного улеглись в голове, но все равно иногда посещают во сне. Сейчас уже редко, но такое бывает.

Раньше это случалось каждую ночь, я орал, просыпался в холодном поту, сжимая кулаки, избивая подушку или того, кто был рядом. Поэтому находиться со мной было просто опасно. Да, сейчас жизнь моя почти спокойна и размеренна, но та тьма, которой я нахлебался когда-то, до сих пор живет во мне и иногда возвращается страшными снами. Такие моменты мне нужно переживать одному. Закрываться в маленькой комнате и по кирпичику выстраивать внутреннюю оборону, заставляя себя поверить, что все позади и за окном мирная жизнь, что прямо сейчас не надо бояться взрыва или шальной пули, что те пять дней плена больше не повторятся никогда.

Я точно двинулся мозгом. Ведь уложил Соню прямо в свою кровать. Не кинул на диване в гостиной, а прямо под бок к себе устроил. И что с ней делать теперь?

Освобождаю ее от норковой шубки, снимаю сапоги. Девчонка начинает что-то бормотать и мотать головой. А я сижу на корточках возле постели и пялюсь на ее ноги, затянутые в капрон. Не могу удержаться, касаюсь рукой щиколотки, веду вверх по ноге, наслаждаясь нежной кожей, дохожу до края платья, оно задралось, и я вижу край чулок, приподнимаю юбку еще выше, вижу черное белье, которое резко контрастирует с белой кожей.

Я настоящий извращенец, хочу прижаться губами к ее ножке, не могу себе отказать. Наклоняюсь, провожу губами там, где заканчивается линия чулок, веду носом и губами выше. Но тут девчонка оживает под моими руками. Сначала дергается, потом замирает в напряжении, я поднимаю голову, смотрю на нее внимательно. Не пойму, она пришла в себя или нет. Глаза закрыты, но дышит как-то часто.

– Давай, бери и уходи. Как всегда, – шепчет хрипло.

Что за бред? Что брать? Почему «как всегда»?

– Соня, – зову ее.

Запускаю руку в темные волосы, она лежит, как неживая. Напряженная и настороженная, глаза по-прежнему закрыты, морщится, но не пытается вырваться. Хочу поцеловать ее, но не знаю, как она отреагирует.

Все же решаюсь, надеясь получить хоть какую-то реакцию. Может, наконец, придет в себя и врежет мне по морде? Но она и не думает дергаться. Такое ощущение, что просто терпит. Я провожу языком по манящим губам, ноль реакции, но мне хочется большего, не выдерживаю, прижимаюсь губами к ее сочному рту, но остается ощущение, что целую безучастную куклу. Кладу руку ей на талию, она напрягается еще больше, но ничего не делает, не сопротивляется.

– Тебе не нравится? – спрашиваю шепотом я.

– Нравится, – выдавливает напряженно. Только вижу, сжимает маленький кулачек так, что белеют костяшки. – Продолжай.

Целую щеку, она отворачивается и зажмуривается изо всех сил, из-под плотно сжатых век стекает слеза, губы плотно сжаты. Что за хрень? Отпускаю девчонку и встаю с кровати. Но она и не думает расслабляться. Лежит все так же, не шевелясь.

– Расслабься, я не буду тебя трогать, если не хочешь, так и скажи.

– Когда тебя это волновало? – шепчет она невнятно.

Понимаю, что сейчас меня приняли за другого. Приятного мало, но все равно реакция странная. Ладно. Оставлю девчонку в покое. Пойду приму ледяной душ, а потом отправлюсь спать на диван.

Сплю на удивление спокойно. Просыпаюсь как всегда в шесть утра. Надеваю тренировочный костюм и иду в спортивную комнату. По пути заглядываю в спальню, девчонка сладко спит. Вот и хорошо.

Захожу в мою любимую комнату в квартире, она оборудована для тренировок. Становлюсь на беговую дорожку, вставляю наушники, включаю любимую песню, выбираю нужную скорость и отключаюсь от реальности. Следующие тридцать минут для меня существуют только бег и грохочущая в ушах музыка.

Закончив тренировку, иду в душ. Дверь в мою спальню приоткрыта. Замечаю какое-то движение, захожу туда. Соня сидит на кровати, до самой шеи укрылась одеялом, как щитом, сидит с перепуганными глазами и взирает на меня так, как будто я маньяк, и сейчас буду ее убивать. Это забавно.

– Ага. Проснулась, красотуля! – хищно улыбаюсь я, смотрю на нее в упор. – Ну что, приступим?

Делаю решительный шаг вперед, девчонка забивается в самый угол кровати. Кажется, она сейчас начнет орать. Становится смешно, начинаю посмеиваться сначала тихо, потом смеюсь в голос. Не могу сдержаться. Слишком забавно она сейчас выглядит.

– Что, испугалась?

Она молчит, только трясется вся. Становится даже жалко ее.

– Ладно. Расслабься. Ничего я тебе не сделаю.

Не похоже, чтобы мои слова ее успокоили.

– Ну, чего трясешься? Если бы хотел тебя изнасиловать или даже убить, вчера у меня было миллион шансов. Ты так напилась, что можно было тебя хоть на ленточки резать.

– А ты кто? – с трудом выдавливает девчонка. – И где я?

– А, память свою тоже пропила? Печально. Я жаркий поклонник твоих танцев, – подмигиваю, но она не оттаивает. Наоборот. – Ладно. Вспоминай пока вчерашний вечер, а я пойду, душ приму. Можешь, кстати, пока приготовить. Кухня там, – указываю направление, сам иду в ванную.

Принимаю быстренько душ, оборачиваюсь полотенцем и иду в спальню за чистыми вещами. Надеюсь, моя ночная нимфа уже шуршит на кухне?

А нет. Сидит все в той же позе, ни капли не расслабившись. Не удивлюсь, если у нее под одеялом еще и припрятано что-то, чем можно меня по голове огреть. Вот странный народ эти бабы. Что ж ты вчера так бухала и не думала о своей безопасности? Аж зло берет.

– Ну, и чё сидим? – хмуро спрашиваю я. – Или как бухать, так все в порядке, а завтрак приготовить, руки из ж*пы растут?

Молчит. Да что ж такое. Неужели вид у меня такой ужасный. Ладно. Сейчас напугаем ее еще больше. Прохожу к шкафу, достаю белье, джинсы и футболку. Не особо заботаюсь о том, что на меня пялится перепуганная девчонка, сбрасываю полотенце, и начинаю одеваться. Натянув белье и джинсы, оборачиваюсь к ней. Чёрт. Глаза стали еще больше, хотя они у нее и так были как блюдца.

– Что такое? Мужскую задницу никогда не видела?

Смущенно отводит глаза. Как девственница, блин.

– Ладно. Странная ты, какая-то, вчера в клубе ты такой скромностью у шеста не страдала. И не надо смотреть на меня так, как будто я маньяк. Сказал же – не собираюсь тебя трогать.

– А ты кто, вообще, и как я сюда попала? – выдавливает, наконец, первую членораздельную фразу.

– Приплыли. И на каком моменте вчерашнего вечера память тебя покинула?

Опять смущенно отводит глаза. Как школьница перед родителями, блин.

– Не могу точно сказать. Помню, что пошла танцевать, дальше все смутно очень.

– Понятно. То есть шоу у шеста – это уже был автопилот? А я еще и подумал, чего мадам добивается? Чтобы ее отымели прямо за сценой?

– Что? Все было так ужасно?

– Нет. Было классно. Ты всех мужиков порадовала. Правда, потом самые яростные твои поклонники хотели продолжения.

– Я помню, кажется, драка началась. Это из-за меня?

– А из-за кого же. Мне вот тоже разок прилетело, – потираю ушибленную челюсть.

– Так, ты меня спас? – смотрит на меня как-то так, с восхищением, что ли? Вот, дура.

– Ага. Спас. И тебя и подругу твою припадочную. Иначе, меня бы потом Костян пришиб, что не уберег его благоверную.

– А ты друг Кости, Наташиного жениха?

– Да. Вспомнила, наконец?

– Смутно. А что я делаю здесь? Это твой дом?

– Да. Мой дом и моя кровать. Ты вчера отрубилась до того, как смогла назвать адрес. Так что пришлось тебя тащить к себе.

Молчит. Поднимает одеяло, и внимательно рассматривает свою одежду.

– Да не трогал я тебя. Расслабься. Хотя ты была не против. Но я терпеть не могу пьяных баб.

Опять молчит, на меня не смотрит.

– Ладно, раз на тебя надежды нет, пойду сам завтрак готовить. А ты можешь пока принять душ, – достаю из шкафа чистое полотенце, – можешь надеть пока мой банный халат. Он в ванной висит. И новая зубная щетка там в шкафчике есть.

Выхожу из спальни, иду на кухню. К завтраку я отношусь серьезно. По утрам у меня обычно белковый омлет и курица. Правда, я совсем не привык готовить на двоих. Ну, да ладно. Не так уж это и сложно. Понимаю, что яиц у меня маловато, поэтому не выбрасываю как обычно желтки, а взбиваю и их тоже. Когда уже раскладываю все по тарелкам, Соня несмело заходит на кухню. В моем халате она выглядит забавно, рукава закатила, полы достают почти до земли и завернулась в него чуть ли не в два раза.

– Проходи, не бойся. Я не кусаюсь.

Садится за стол, все так же смущенно поглядывая из-под ресниц.

– Головушка болит? – молчит, хотя, понятно, что болит. Подаю ей стакан с водой и пару таблеток. – Выпей. Легче станет.

– Спасибо, – выпивает лекарство, воду жадно допивает до дна. Сушнячок. Понятно.

– Поешь, может, попустит.

Отрицательно мотает головой.

– Херовенько, да?

– Мне только чаю, можно? Зеленый, если есть.

– Нет. Зеленого нет. Только черный.

Завариваю чай, ставлю перед девчонкой. Сам сажусь за стол и начинаю трапезу.

Она молчит, чай не пьет, грустно смотрит в кружку. Потом несмело спрашивает.

– А сахар есть?

Блин, совсем забыл. Сам всегда без сахара пью. Иду, нахожу на полке коробку забытого когда-то рафинада. Ставлю на стол.

– Что, сладенького захотелось?

– Нет. Я зеленый чай люблю и без сахара. А черный горький. Без сахара его пить невозможно.

– Очень даже возможно. Я всегда без сахара пью.

– Понятно, – отвечает Соня и снова грустно смотрит в свою кружку. Потом спрашивает, – а где моя сумочка?

– В прихожей лежит. Пойди, возьми, если хочешь.

Срывается туда. Через дверной проем вижу, что долго копается в сумке, потом находит телефон и начинает ковыряться там.

– Какой у тебя адрес?

– А тебе зачем?

– Такси хочу вызвать.

– Не надо. Я сам тебя отвезу.

– Нет. Я на такси, – как-то нервно отвечает.

– Милочка, если ты таким образом хочешь скрыть от меня свой адрес, то напрасно. Если он мне понадобится, я его узнаю за пять минут, а еще попутно всю твою биографию. Так что успокойся, иди, допивай свой чай, собирайся. Я тебя отвезу.

Подъезжаем к дому девчонки. Она молчалива, за всю дорогу не проронила ни слова. Останавливаюсь у указанного места, выхожу из машины вместе с ней.

– Спасибо, что подвез, пока, – выдает она скороговоркой и бежит к подъезду.

Ишь, какая резвая. Спешу за ней. Она резко тормозит у двери.

– А ты что, со мной собрался?

– Да. Хочу проводить тебя до квартиры, чтобы точно быть спокойным.

– Не надо, – просит она.

– Почему? У тебя в квартире бомба или притон бомжей?

– Нет. Просто не надо.

– Подожди, а может у тебя муж есть? – вот почему мне такая мысль раньше в голову не пришла. Отсутствие кольца ни о чем не говорит. Мне ли не знать.

– Да. Муж. Не надо со мной ходить, – выпаливает она, заскакивает в подъезд и закрывает перед носом железную дверь.

Офигеть. Нормально так со мной попрощалась. Ладно. Хрен с ней. Пусть валит к мужу. Не знаю почему, но эта новость вызывает злость и еще целый букет гадких чувств. Поэтому не жду больше, сажусь за руль и отъезжаю от этого дома с большей скоростью, чем того требуют правила и здравый смысл.

Глава 3.

Раздражение не отпускало до вечера. На работе всеми силами пытался отвлечься. Оттянул Ваньку, охранника Натальи, за вчерашнюю беспечность, но с него как с гуся вода. Отгонял от себя мысли о девчонке, но покоя она мне не давала. Вот маленькая зараза, какого хрена не идет из головы? Вот зачем мне знать, замужем она или нет?

Вечером позвонил Костя, напомнил, что через день у него свадьба, а еще сообщил интересную новость:

- Забыл тебе сказать, ты будешь моим свидетелем!
- О, как! Молодец, совсем "незначительная" деталь!
- Да. Я думал Егора позвать, но он отказался. Не любитель он таких мероприятий.
- Ага. А я, блин, любитель!
- Нет. Но ты же еще не знаешь, кто будет свидетельницей.
- И кто? – спрашиваю, а сам уже знаю ответ.
- София!
- Да ты что? А разве подружка невесты не должна быть незамужней?
- Ну, так она и есть незамужняя. А ты что думал?
- Мне она сказала, что у нее есть муж.
- Значит, она тебе назвездела. Потому что я ничего такого не слышал. Это она, видимо,

так тебе дала от ворот поворот.

– Видимо, – отвечаю другу, а сам лыблюсь, как дурак, и чувствую, что плохое настроение наконец отпускает.

- Так что не ной. Будет у тебя еще шанс Соньку закадрить. Или ты уже успел?
- Ни хрена я не успел. Она шуганая какая-то.
- Не знаю, не замечал. Короче. Послезавтра будь готов.
- Ладно. Будешь должен.

Прощаемся с другом.

А меня посещают дебилские мысли. Интересно, на свадьбе Костяна будут идиотские конкурсы? Помню, досталось мне в молодости на одной свадьбе играть роль шеста, пока подружка невесты исполняла вокруг меня эротический танец. Правда, там была такая подружка, что хотелось зажмуриться, и я все боялся, что она меня зашибет своим жирным задом.

А вот если бы на ее месте оказалась Соня, я был бы счастлив. Укладываюсь в постель и как пес обнюхиваю подушку, пытаюсь уловить ее запах. Или у меня глюки или я действительно различаю аромат ее духов. Такие свежие нотки, наверное, так пахнут полевые цветы. Ей идет этот запах. Зарываюсь лицом в подушку и быстро проваливаюсь в сон.

Мне снится Соня, которая смеется и танцует в поле, усеянном голубыми цветами, такими же яркими, как ее глаза...

Праздник в самом разгаре. Всем весело, жених и невеста уже устали целоваться, Сонька поначалу держалась со мной как-то настороженно, сейчас уже немного расслабилась, начала смеяться вместе со всеми. Ей очень идет улыбка. Она озаряет ее лицо и всех вокруг, как будто солнце греет лучиками, выглядывая из-за туч. Понимаю, что просто зависаю от ее смеха и улыбки. Сам поддаюсь и начинаю улыбаться, хотя обычно хмурое выражение редко покидает мое лицо.

Насчет конкурсов я не ошибся. Они действительно были, но не те, о которых я мечтал. Нас с Соней заставляли бегать с ползунками и собирать деньги на мальчика и девочку, меня нарядили в дебилский наряд, и я исполнял роль волка, а Сонька была красной шапочкой. Я бы ее с удовольствием съел, но суть этой сказки была в другом. Короче, в конце этого цирка

мне уже хотелось быть не хуже настоящего волка, но деваться было некуда. Костян офигенно мне задолжал после этих издевательств.

Уже ближе к концу праздника смываюсь в укромный уголок у окна в фойе. Здесь стоит диванчик в окружении густой зелени. Надеюсь здесь меня не найдет неугомонная ведущая вечера.

Уже собираюсь возвращаться в зал, когда слышу легкие шаги и знакомый голос – Соня с кем-то разговаривает по телефону. Только странный у нее какой-то тон, настороженный.

– У меня все хорошо, – говорит она. – Я у подруги на празднике, – выдерживает паузу, потом продолжает, – нет, здесь только несколько моих друзей.

Интересно, перед кем это она оправдывается и зачем врет?

– Да, я сейчас уже поеду домой.

Домой? Какое домой? Праздник еще не закончен. Странно. А Сонька продолжает оправдываться.

– Да. Я поняла. Как скажешь. Я уже вызываю такси, – слушает ответ, морщится, отвечает обреченно, – я знаю, что проверишь. Позвоню, когда доберусь до дома.

Отключается, облакачивается на стену спиной, запрокидывает голову, не пойму, ревет что ли? Что за хрень? У девочки проблемы?

Выхожу из своего укрытия и спрашиваю:

– И чего это ты домой собралась?

Она вздрагивает, пытается отвернуться, спрятать слезы. Поздно, красавица. Я уже все увидел.

– Мне просто пора уже, – как-то невнятно отвечает Соня. – У меня что-то голова разболелась.

– Ага. От такого разговорчика немудрено.

– Ты что, подслушивал?

– Я не специально. И кто это звонил, муж, которого у тебя вроде как нет?

– Что-то типа.

– Это как?

– Вот так.

– Не хочешь отвечать. Ладно. А чего его с собой не привела.

– Он в отъезде.

– Ааа. Поэтому ты шляешься по барам и гуляешь типа у "подруги на празднике"?

– Чего ты хочешь от меня! – вскидывается она. – Тебе какая разница, есть у меня муж или нет? Тебе от меня ничего не обломится. Можешь просто от меня отвалить?

Разворачивается и убегает назад в зал, а уже через десять минут я вижу, как она садится в такси и стартует, видимо, в сторону дома.

Хорошее настроение как рукой снимает. Остаток вечера меня все бесят, особенно, когда пристают с вопросами про свидетельницу. Можно подумать, это я ее прогнал с вечера.

Хожу злой еще и на самого себя, потому что совершенно точно знаю, что сделаю, как только выберусь из этого веселого бедлама – узнаю все про эту заразу. Для чего, пока не знаю, и самое главное не могу объяснить даже себе, и от этого злюсь еще сильнее.

Глава 4.

Не оборачиваясь, бегу к такси, сажусь в салон, машина уносит меня с этого праздника счастья и радости в холодную, пропитанную моим одиночеством и безысходностью квартиру. Чувствую, как приятные эмоции от прекрасного дня стираются, на смену им приходит черная, заволакивающая разум тоска.

Стоило мне увидеть номер Захара в телефоне, как я вернулась с небес на землю. Не просто вернулась, а с силой ударились о камни моей уродливой действительности. После его отъезда в командировку я слишком расслабилась, почувствовала обманчивую свободу, теперь предстоит расплата. Он вернулся на три дня раньше и снова натянул слегка отпущенный поводок, и я, как послушная собачонка, должна ждать появления хозяина, ведь он отдал команду "место". В душе поднимается слабая волна протеста, но она ничтожна по сравнению с волной липкого страха, которая поднялась, как только я услышала металлические нотки раздражения в его голосе. Теперь остается только сломя голову нестись домой и молиться, чтобы до его появления в моей квартире это раздражение прошло.

Но когда мне везло в последний раз? Я не помню. Вот и сегодня явно не мой день. Как только я подъезжаю к подъезду, уже вижу его машину. Он выходит из своего авто, и по взгляду я сразу понимаю, что все плохо.

Руки начинают дрожать, внутри ощущаю мерзкое чувство ужаса, тело просит броситься и попытаться убежать, но оковы разума держат на месте, заставляя как в тумане передвигать ногами навстречу опасности.

– Привет, дорогая! Как погуляла? – тон его обманчиво мягок и только взгляд отдает злостью.

– Хорошо. Спасибо.

– Рад, что ты прекрасно отдохнула без меня. Пойдем домой, расскажешь, – он берет меня за руку и ведет в квартиру. Понятно, здесь на улице он не будет устраивать скандал.

Сердце отбивает нечеткий ритм, Захар сверлит меня взглядом, пока поднимаемся в лифте. Входим в квартиру, за мной защелкивается замок, и не успеваю я снять обувь, как получаю первую пощечину такой силы, что отлетаю к стене.

Захар молчит, только злое дыхание вырывается через раздувающиеся ноздри. Хватает меня за волосы, притягивает к себе и прямо в лицо буквально шипит:

– А теперь рассказывай, на каком там празднике ты была?

Не могу выдавить ни слова. Душат слезы и страх.

– У п-подруги б-был день рождения, – от волнения заикаюсь, голос дрожит.

Он отталкивает меня так, что я падаю на пол, хватается мою сумочку и вытаскивает оттуда белую ленту с серебряной надписью "Почетная свидетельница"

Тыкает мне в лицо и орет:

– А это что? – понимаю, что это конец.

– П-прости, – еле выдавливаю я, получаю еще один удар по лицу, меня снова хватают за волосы.

– Ты я вижу, вообще, ох*ела? Расслабилась совсем? Стоило мне за порог выйти и пошла шляться? Ты думаешь, я не знаю про твои танцульки? Я и так все для тебя! Самые лучшие шмотки, украшения, чего тебе еще надо? – отталкивает меня. – Раз по-хорошему не понимаешь, будет по-плохому. Теперь отчитываешься мне о каждом шаге. Про детишек своих сопливых и танцульки – забудь!

Пинает меня ногой, отталкивая с дороги, идет к выходу.

– Даже трахать тебя сегодня не хочу, выбесила меня!

Уходит, хлопнув дверью. А я лежу и понимаю, что он в очередной раз растоптал меня, вытер ноги, и я не знаю, где взять силы, чтобы снова собрать себя в кучу.

По щекам текут слезы вперемишку с кровью, я не спешу их утирать. Зачем? Раньше я тщательно замазывала синяки, чтобы бежать к моим детишкам, теперь и это у меня отняли. Для чего моя жизнь? Я ведь никому не нужна. И никогда не была нужна. Даже матери. Она спилась совсем в своей деревне в последние годы и едва ли помнит, что у нее вообще есть дочь. Если бы был жив папа, может быть он бы попытался защитить меня. Но, как я уже говорила, в жизни мне редко везло. Папа умер около семи лет назад, а вместе с ним из моей жизни ушел самый близкий человек.

Не знаю, сколько времени я так лежу, бесцельно глядя в потолок. Когда поднимаюсь, за окном глубокая ночь. Иду в душ и бесконечно долго стою под горячими струями, пытаюсь смыть с себя кровь, боль и грязь. Хотя знаю, что это бесполезно. Все это внутри, въелось в поры.

Выхожу из душа, надеваю халат, почему-то в памяти всплывает утро в квартире Андрея.

Боже. О чем я только думала? Если бы об этом узнал Захар, то меня бы он просто убил, еще и Андрею проблем создал. А я в тот вечер напилась не просто так. Это была годовщина, когда я потеряла ребенка. Тот день я запомнила на всю жизнь, а хотелось забыть навсегда.

Вечер в баре остался в памяти смутным пятном, но почему-то четко запомнился момент, когда Андрей подлетел к сцене и стал отталкивать от меня навязчивых поклонников, пытаюсь закрыть собой, потом еще и подрался из-за меня, легко раскидывая крепких мужиков.

Уже утром, когда отошла от первоначального шока и поняла где я и с кем, смотрела на его крепкие мышцы, сильные руки и мечтала иметь такие же, чтобы постоять за себя. Глупо это и бесполезно.

Мысли об Андрее отзываются еще более сильной тоской. Почему-то рядом с ним было легко и хорошо. Хотелось улыбаться. Сегодня его улыбку тоже увидела впервые. Оказывается, он умеет это делать, и ему очень идет. Его суровое лицо сразу превращается в мальчишеское, задорное.

Сегодня смотрела на эту улыбку, и хотелось провести рукой по его слегка небритой щеке. Странные мысли. Запретные. Поэтому гоню их от себя, но помимо воли перед глазами снова встает сильное мужское тело в облегающей мокрой майке, бугристые мышцы, блестящие от пота, и жаркий мужской взгляд, а потом сразу его голая задница.

От такого зрелища я не смогла оторвать взгляд. "Что, мужскую задницу никогда не видела?" – спросил он. Таких не видела. Захару до него далеко, последние годы он вообще располнел, приобрел небольшое, но уже заметное пузико. Про спорт он никогда не вспоминал. Поэтому ничего удивительного.

Несмотря на то, что получила от Захара, я не жалею о последних днях. Ведь у меня остались приятные воспоминания о девичнике и свадьбе подружки. Теперь мои тайные вылазки и прогулки с Наташкой станут под большим вопросом. Я и раньше очень рисковала, когда выбиралась с ней куда-то. Теперь же я снова закрыта в клетке и должна о каждом шаге отчитываться проклятому тирану.

И все же засыпаю я с приятными мыслями, и главным героем в них выступает Андрей. Я всегда была мечтательницей, считала людей лучше, чем они есть на самом деле. Всегда надеялась на хорошее, поэтому и оказалась в плену надежд. Я понимаю, насколько мои мысли об Андрее неправильные, но мне нужно зацепиться хоть за что-то позитивное в жизни, чтобы не сойти с ума.

В детстве я, наверное, как и многие девочки, мечтала о принце, который спасет меня из плена злого волшебника. Причем это были не абстрактные мечты, а вполне конкретные. Я прокручивала в голове различные сюжеты, но все они были похожи. Принц спасает меня от всех бед и увозит в сказочную страну, где мы живем долго и счастливо.

Даже тогда я понимала, что это глупо, конечно, я понимаю это и сейчас. Зачем я совершенно чужому человеку, которого еще и оттолкнула так некрасиво. Но эти мечты спасают меня от черных мыслей, что жизнь моя никчемна, и ее стоит остановить. Поэтому я как в детстве предаюсь мечтам, где прекрасный сильный принц, так похожий на Андрея, спасает меня и увозит в райский уголок.

Глава 5.

Сказал Соне, что при желании узнаю ее адрес за пять минут, но все оказалось не так просто. Хорошо хоть фамилию ее запомнил, когда в ЗАГСе мы расписывались в журнале регистраций. Но это мало дало. Прописана Соня в деревне в соседней области, вместе с матерью. Трудоустроена уже несколько лет нигде не была. Работала во время учебы и недолго после окончания ВУЗа. Потом все.

Вопрос. На что она живет?

Ответ вполне очевиден. Содержит тот, который "не муж". Богатый любовник. На этом можно бы и успокоиться, но что-то не дает. Мне ведь внятно сказали, чтобы отвалил, вот только из головы не идет ее разговор по телефону, не похоже, чтобы она была счастлива с тем, с кем сейчас в отношениях, а еще вспоминаю ее слова, сказанные ночью, и странное поведение в моих руках. Как будто она не хотела близости, но не могла оттолкнуть, просто терпела. Ярким пятном всплывает ее танец и слезы на щеках. Не так себя ведут беспечные красотки, живущие за счет богатых папиков.

На следующий день после свадьбы Костя с Натальей снова собрали самых близких друзей. Сони не было. Наташа сказала, что та приболела. Странно.

На следующий день в обеденный перерыв решаю заехать к ней домой. Попробую напроситься в гости на чай, даже пирожные прикупил. Просто хочу увидеть и убедиться, что с ней все в порядке.

Правда, проблема в том, что я не знаю, где ее квартира. Сейчас зима, поэтому даже у досужих бабулек спросить не получится. Но мне везет, вижу выходящую из подъезда тетеньку преклонного возраста, она останавливается и заводит разговор с другой дамой, которая выгуливает собаку. Подхожу к ним, показываю фотографию Софии (благо таких полно после свадьбы Кости). Пожилая мадам качает отрицательно головой, а вот вторая спрашивает, подозрительно прищурившись:

– А вам она зачем?

Молодец, тетка, бдительная.

– Я ее друг, мы с ней на свадьбе недавно познакомились, – в подтверждение показываю еще несколько фоток, где мы в роли свидетелей, – мы договорились встретиться, но она трубку не берет. Вот переживаю, может, случись что, а номер квартиры не знаю, только до подъезда ее провожал.

– Беда, – тянет тетенька, – ладно, на бандита ты вроде не похож, помогу тебе. Так девочку, значит, Соня зовут. Хорошая девочка, только грустная всегда очень. Номера квартиры я не могу сказать, знаю только, что на четвертом этаже всегда выходит. Мы с ней в лифте часто встречаемся.

– Спасибо вам, милая женщина! Вы мне очень помогли, может, еще и в подъезд пустите, а то код я не знаю?

– Пустим, куда ж тебя денешь. Если что, я тебя запомнила!

Набирает код на железной двери, я захожу и лечу на четвертый этаж.

Здесь три квартиры, звоню в первую попавшуюся, открывает мне милая старушка. Дверь держит на цепочке, спрашивает:

– Вам кого?

Извиняюсь и рассказываю примерно ту же историю, что поведал теткам внизу, прошу подсказать номер квартиры.

Старушка подозрительно смотрит на меня.

– А ты ей точно друг? А то приходит тут к ней один, напыщенный вечно. Пошумит и уходит, а я потом ее рыдания по полночи слушаю. Может ты такой же «друг»?

Вот и подтверждаются мои самые худшие подозрения.

– Точно друг, – отвечаю, глядя ей прямо в глаза, – я ей помочь хочу, только пока мне надо понять, как. А Соня молчит, боится. Расскажите мне, что знаете.

– Да ничего я не знаю. Она необщительная, поздороваюсь и глаза опустит. Живет тихо. Только когда приходит этот гад, бывает, слышу, что орет. Ее редко слышу. Вот позавчера опять был, но быстро ушел. Кошку мою Нюсю ногой пнул, сволочь такая, и к лифту пронесся. Злой был, рожа красная, страшная. Точно девочку опять обидел. Но ничего больше не знаю, я живу, ни к кому в душу не лезу. Мне бы свою жизнь дотянуть. А квартира вон ее, рядом с моей. Надеюсь и правда друг ты. А то девочку жалко.

Благодарю старушку, она щелкает замком, а я останавливаюсь над дверью Сониной квартиры, не спешу звонить. Мне нужно перевести дыхание и проанализировать слова соседки.

Но не успеваю я этого сделать, как дверь открывается, и Соня появляется на пороге, в шубе, сапогах и ... темных очках. Явно собралась куда-то уходить.

Видит меня и замирает с пораженным видом.

– Привет, – улыбаюсь я.

– Привет, – настороженно. – Ты что здесь делаешь?

– В гости к тебе пришел, – говорю и делаю наглый шаг прямо в открытую дверь. – Вот, пирожные принес, а то кофе мне попить не с кем!

– Я не ждала гостей! – произносит испуганно. – Я уйду. Выйди, пожалуйста!

– Я понял уже. Но, может, отложишь поход, чайку попьем, а потом я тебя провожу, куда ты там хотела пойти?

Соня нервно оглядывается по сторонам, как будто у нее за спиной кто-то стоит, отрезает жестко:

– Я тебя не приглашала! – буквально выталкивает меня.

Ладно, она явно не настроена на душевные беседы.

– Хорошо, я понял, что не вовремя, но, может, встретимся попозже? Или боишься, что «не муж» заругает.

– Тебе какая разница? Что ты вообще здесь делаешь? Уходи! – почти кричит она.

Выхожу, Соня захлопывает дверь.

– А тебе в очках не темно? Сейчас вроде солнца нет, – тянусь к очкам, хочу снять, но она отскакивает, как ошпаренная.

– Я спешу, и чай с тобой распивать не собираюсь. Больше не приходи!

Не ждет лифт, буквально бежит вниз по лестнице, а я смотрю на нее, и в душе поднимается мерзкое чувство.

Оно знакомо мне уже. Это злость от осознания, что меня хотят обмануть. А еще я теперь понимаю, кого Соня мне напоминает. Мою сестру. Машка тоже просила меня не лезть, не вмешиваться в ее отношения с мужем, все ходила, синяки замазывала, а однажды он избил ее так, что сестру еле спасли. Я тогда в армии был. У нее внутреннее кровотечение открылось, и ногу он ей сломал так, что она до сих пор хромот. А козлу тому ничего за это не было. У него свои подвязки были, представили все так, как будто она с лестницы упала.

Я узнал обо всем только через месяц, когда домой вернулся. Машу тогда как раз из больницы выписали. Помню, пришел из армии, а она на себя не похожа, худая стала, бледная, и взгляд потух. Я урода этого выловил и навалял ему таких, что он еле ноги унес. Меня потом по ментовкам таскали, могли и посадить, спасибо, дядька похлопотал, и мне контракт предложили. Я вернулся в армию, вот так и забросила меня судьба туда, куда я и не думал. А мутило этот через месяц в аварии разбился. Так что иногда справедливость все же торжествует, иначе я бы его точно прикончил когда-нибудь.

Вот и теперь у меня похожее чувство, и пусть Сонька мне никто, но я всегда остро реагировал, когда слабых обижали, правда, на войне такого дерьма насмотрелся, что думал, душа

очерствела, уже не трогает меня чужое горе, оказалось нет. Еще может пробраться в мою действительность жалость и сострадание.

Машка сейчас отошла, замуж снова вышла за хорошего мужика, детишек родила. Но до сих пор, как гляну на ногу ее изуродованную, так хочется волком выть, что не смог тогда ей помочь, что не вмешался вовремя, когда еще можно было.

А сейчас ведь еще могу, только понять надо, что делать и как.

Разворачиваюсь и снова звоню в дверь соседке. Она открывает, и недовольно спрашивает.

– Чего тебе еще надо? Послала она тебя, да? – значит, слышала все, партизанка старая!

– Послала! А как зовут вас, милая женщина?

– Тебе зачем? Сонька послала, так меня на свидание решил позвать? Старая я уже для такого, хотя в молодости была ого-го!

– Охотно верю. Хотел пирожные вам к чаю предложить, в благодарность!

– А, ну это можно, давай, я сладенькое люблю. Баба Зина меня зовут.

Отдаю ей коробку с пирожными и говорю:

– Можно вас еще об одной услуге попросить, баба Зина?

– Ишь ты какой! Что надо?

– Можно, я вам свой телефончик оставлю, а вы, если этот урод опять придет, позвоните мне, хорошо?

– Хм, что, хочешь, чтобы я шпионила?

– Нет, ну зачем так, просто, если что-то интересное увидите или услышите, дайте мне знать. А я вам за это организую регулярную доставку пирожных, – протягиваю ей визитку вместе с несколькими крупными купюрами.

Она ловко так подцепляет их, и говорит:

– Хорошо. Я люблю птичье молоко с кремом.

– Договорились! Еще вопрос, может, знаете, как зовут этого мужика, который к Соне приходит?

– Нужен он мне больно. Не знаю.

– Понятно. Жаль, – придется как-то еще узнавать, что за тип это. А старушка добавляет:

– На машине он всегда крутой приезжает. Черная такая, здоровая. Номера СОМ три пятерки, – вот пропала в бабке чекистка, точно!

От души благодарю старушку за информацию, добавляю ей еще вознаграждения и бегу к своей машине.

Как только добираюсь до офиса, нахожу всю информацию на владельца черного Мерседеса с указанными старушкой номерами. Она совсем не радуется. Крученный перец. Сомов Захар Владимирович. Руководит крупным заводом, женат на дочери владельца компании. Официально чист, это как всегда, а вот неофициально... Много тянется к нему грязных нитей, известный в определенных кругах товарищ. Так просто его не прикопаешь. Как же угрозило девчонку связаться с таким дерьмом? И как вытащить ее? Вопросы, на которые не так просто найти ответы.

Соня сегодня была совсем на себя не похожа. Чужой голос, чужие слова, еще и эти чертовы темные очки на пол лица. Понятно, почему она их нацепила, синяки прятала, а так хотелось снова услышать ее заразительный смех, увидеть яркие голубые глаза.

Открываю фотографии со свадьбы и листаю, любуюсь ее красотой. Фотографий много, щелкали все, кому не лень, потом сбросили в общую группу. На глаза попадает фото, где запечатлен крупным планом букет невесты. В кадр попали и руки Сони, которые легко узнать по неброскому, аккуратному маникюру. Она держит букет, только взгляд цепляется совсем за другое. Увеличиваю изображение, холодок пробегает по спине. Белесые еле заметные полосы

на ее запястье. На максимальном приближении рассматриваю отчетливые следы, которые говорят о том, что Соня уже пыталась свести счеты с жизнью.

Мерзкое чувство внутри усиливается. Вызываю к себе одного из лучших моих парней, даю задание узнать всю подноготную этого козла. Сейчас я собрал только общие сведения и еще кое-что, что слышал краем уха, и додумал по обрывочным сведениям. Мне нужна полная информация: с кем спит, что ест, сколько раз в туалет ходит. Короче все, чтобы потом понять, как прижать эту гниду. Жалко, что Костя умотал в свадебное путешествие. Хорошо, что их медовый месяц будет длиться всего неделю, и скоро он будет в строю. Его связи мне точно пригодятся.

Эти тревожные мысли не отпускают меня до вечера. Ночью мне снова снится кошмар.

Я в плену, сижу в вонючем темном подвале и мечтаю поскорее сдохнуть, но этого мне пока не светит. Ожидание расправы хуже самой расправы. Страх и неизвестность душат паникой, но все это нужно подавить, иначе тебя сломают, а этого допустить нельзя. Я хочу если уж сдохнуть, то хотя бы ощущая себя человеком. Слышу шаги за дверью, понимаю, что пришли мои палачи и следующие несколько часов меня снова ожидают пытки и издевательства.

Просыпаюсь в холодном поту, соскакиваю с кровати. Где-то рядом раздается телефон. Хватаю трубку, пытаюсь выровнять дыхание и рассмотреть, кто звонит. Вижу незнакомый номер, отвечаю, но когда слышу голос бабы Зины, паника еще сильнее захлестывает меня. Выслушиваю то, что она говорит, и от каждого ее слова все холодеет внутри от понимания – я могу снова не успеть...

Глава 6.

Появление Андрея совершенно выбило меня из колеи. Я ожидала его увидеть около своей квартиры меньше, чем появления инопланетян. С трудом удалось от него отделаться. Если он и дальше продолжит интересоваться мной, это плохо закончится.

Когда он попытался войти в квартиру, меня охватила паника. На секунду показалось, что Захар стоит за спиной и все видит. Лучше бы я вообще никуда не выходила, посидела бы голодная. Собственно, почти так и получилось, потому что в магазине я не смогла сообразить, что мне нужно. Бродила потерянно между полок. В итоге принесла домой только молоко и хлопья, но есть все равно не смогла. Аппетит пропал напрочь. Поэтому я снова улеглась в кровать, чтобы бесцельно смотреть в потолок и пытаться не сойти с ума. Сегодня утром пришлось позвонить в студию танцев и сказать, что больше не смогу у них работать. Хозяйка студии была очень расстроена, даже раздражена, ведь до конкурса, к которому мы с детьми усиленно готовились, осталось меньше месяца. Я придумала историю, что получила травму, поэтому не смогу пока работать.

После этого разговора на душе вообще наступила темнота.

Из этого состояния меня вырвал телефонный звонок. Боже. Это Захар. Отвечаю быстро, чтобы его не разозлить, уже с первых слов понимаю, что это бесполезно. Он уже зол.

– Скажи-ка мне, моя ненаглядная, что это за мужик приходил сегодня к тебе?

Внутри все замирает, язык прилипает к небу. Боже! Откуда он знает?

– Я его не знаю, – вру я, – это адресом ошиблись.

– Точно? Ты мне не врешь?

– Нет, – голос дрожит, душит паника.

– А я думаю, что врешь. Но я выясню это. Не хочешь спросить, откуда я это знаю?

– Откуда ты это знаешь? – шепчу, изо всех сил борясь со слезами.

– У тебя в квартире стоит камера.

Господи, о чем это он? Получается, он следил за мной все это время? Значит, он знает о моих поздних возвращениях, и что я не ночевала дома. Мне конец.

Мысли проносятся в голове, как разряды молний, а Захар продолжает после небольшой паузы.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – обманчиво мягкий тон, который резко переходит в крик. – Например, где ты шлялась всю ночь? Ты трахалась с кем-то?

– Н-нет.

– Заткнись! Твое счастье, что я посмотрел записи только сегодня, когда я далеко. Потому что иначе...

Он не договаривает, но я могу представить себе это "иначе".

– Я прилетаю завтра, и советую тебе подумать, как ты будешь вымаливать прощение! Только предупреждаю сразу. Это раньше я относился к тебе, как к чистой, только моей девочке, но раз ты решила вести себя как шлюха, я буду относиться к тебе, как к грязной шлюхе! А знаешь, что я делаю со шлюхами?

Захар отключается, а я больше не сдерживаюсь, рыдания рвутся наружу. Я соскакиваю и начинаю бегать по квартире, рыдая в полный голос. Натыкаюсь на мебель, на кухонный стол, с которого посуда падает на пол. Она разбивается вдребезги, я падаю здесь же на пол, просто не могу стоять.

Понимаю, что сейчас я так же разбита, как моя любимая чашка. Я давно покрылась трещинами, от меня уже откололось несколько кусочков, но до сих пор я отчаянно пыталась не рассыпаться, хваталась за какую-то призрачную надежду на перемены. И вот они произошли. Теперь я рассыпалась окончательно, и это не изменить. Хватит тешить себя пустыми надеж-

дами. Свою жизнь я погубила, когда связалась с Захаром. Она окончена давно, осталось только дойти до логичного конца и сделать последний шаг.

Я замираю, прекращаю рыдать. Вспоминаю, что где-то здесь есть камера и Захар, скорее всего, наблюдает за мной прямо сейчас, наслаждается моими страданиями. Я ощущаю себя бабочкой под стеклом, которую жестокий хозяин насадил на иглу страха и отчаяния и теперь наблюдает, упиваясь ее беспомощными метаниями.

Хватит ему дарить кайф. Пусть я слабая, запуганная бабочка и у меня нет ничего своего, но кое-что у меня осталось. Единственное, чем я еще могу распорядиться.

Я давно уже балансирую на грани, давно думаю об этом, вот и знак, что пора. Я не хочу больше быть его игрушкой, не хочу жить так, не хочу сидеть и бояться его прихода, прокручивать в голове все, что он может со мной сделать. Ожидание наказания хуже самого наказания. Поэтому я не буду ждать.

Я иду в душ, моюсь в последний раз. Сушу волосы. Надеваю мое любимое платье. Оно белое, легкое. Не надеваю больше ничего. Не хочу.

Выхожу из квартиры в домашних тапочках и иду по лестнице вверх. Кажется, сзади открылась дверь бабушки-соседки. А возможно, мне показалось. Сейчас глубокая ночь, все спят. Поднимаюсь на последний этаж, в руке у меня ключ, я давно сделала себе дубликат, я ведь знала, что так будет.

Поворачиваю ключ в замке. Дверь со скрипом открывается, я выхожу на крышу. Меня обжигает морозный воздух, вокруг кружатся нежные белые снежинки, ночь потрясающе красива.

На небе луна и звезды.

Странно. Разве, их не должны закрыть тучки, из которых идет снег? Подхожу к самому краю, замираю от потрясающей картины ночного города. Любуюсь сотнями городских огоньков, вижу под собой желтые квадраты окон, за каждым из которых скрывается своя судьба, свои радости и горести, но почти везде слышны крики детей, разговор мужа и жены. Кто-то спит, кто-то занимается любовью, кто-то ругается. Но все они не одиноки. У каждого есть кто-то, кому они дороги, а у меня нет никого.

Поэтому еще раз прихожу к выводу, что жизнь моя бессмысленна. Огни сливаются перед глазами, я чувствую влагу на щеках, легкий ветерок треплет мою белую юбку, но я почти не чувствую холода. Наверное, потому, что я изнутри совсем замерзла. Берусь за ржавый железный поручень.

Пора.

Смотрю вниз, и сердце замирает от ужаса.
 Смогу ли я прыгнуть?

Вспоминаю лицо Захара, его последнее обещание, и понимаю, что смогу. Делаю решительный шаг, ставлю ногу на ограждение. Неуклюже перебираюсь и оказываюсь на самом краю бездны.

Вот и все. Вот так и кончилась моя бездарная жизнь.

Прости меня, папочка, что я так и не стала тем, кем ты мечтал. Я так соскучилась за тобой. Так хочу тебя обнять. Возьми меня к себе.

Вспоминаю про запрет самоубийства церковью. Это самое страшное, что меня останавливало. Но сегодня я не буду думать про ад. Ад на земле, у меня в душе, и мириться с ним я больше не могу. Я ухожу не потому, что не хочу жить, а потому что не могу больше жить так. Я не могу распоряжаться своей жизнью, поэтому хотя бы смерть выберу сама. Вспоминаю молитву, прошу прощения у Бога. Начинаю снова всхлипывать.

Боже! Как же страшно! Отрываю ногу, заносу ее над бездной, мне в лицо дует ветер, бросает ворох снежинок.

Собираюсь с духом, чтобы оторвать руки от ограждения и броситься вниз. Но что-то мешает мне. Что-то удерживает от последнего шага.

Боже! Какая же я трусиха. Даже этого сделать не могу! Начинаю снова рыдать от досады на себя, от злости, от невозможности что-то изменить. Не знаю, сколько я стою так, рук и ног уже не чувствую. Но постепенно слезы высыхают.

Все, хватит истерить. Я все решила. Надо просто шагнуть вперед. Это ведь легко. Не думать, что делаю шаг в бездну, а представить, что иду к свету. Почему-то невольно перед глазами встает образ Андрея, я слышу его голос, он зовет меня, и я мысленно делаю шаг к нему...

Глава 7.

Лечу на полной скорости по ночным дорогам, не обращая внимания на светофоры. Хорошо, что машин мало. В голове набатом стучат слова соседки: "Она на крыше стоит, сейчас прыгнет!" Вот же дура, чего ж ты полезла туда, почему ничего не рассказала!

Перед глазами ее слезы и шрамы на запястье.

"Как же так! Подожди меня, дурочка, не прыгай!" – мысленно уговариваю ее, а у самого внутри дрожит все от напряжения. Понимаю, что пока я тут еду, она могла десять раз сделать последний шаг.

Подлетаю к дому, выскакиваю из машины, оглядываюсь со страхом, боясь увидеть ее тело на белом снегу. Ничего нет, хотя это еще ни о чем не говорит. Заскакиваю в подъезд, вызываю лифт. На мое счастье он открывается сразу. Еду, считая этажи. Мне кажется, он ползет медленнее черепахи, внутри все горит от напряжения.

Выскакиваю на последнем этаже и бегу к двери, ведущей на крышу. Она открыта настежь, около нее стоит баба Зина. Она пытается мне что-то сказать, я не слышу, отталкиваю ее, убегаю на мороз.

На самом краю крыши стоит Соня, спиной ко мне. На ней белое платье, полы которого раздувает ветер.

Она похожа на ангела, который спустился с небес на заснеженную крышу, кажется, сейчас взлетит.

Замираю только на секунду, оценивая ситуацию. Тихо ступаю по снегу.

Кажется, Соня не слышит меня. Хочется заорать, но боюсь напугать ее.

Мне остается сделать всего несколько шагов, когда Соня заносит ногу над краем, сердце у меня подскакивает к горлу, я начинаю говорить:

– Нет, Соня, не надо! Не делай этого. Иди ко мне. Я помогу. Не бойся.

Она не реагирует, кажется, что и не слышит меня вовсе.

– Иди ко мне! – снова зову, но она отпускает руки и шагает не ко мне, а навстречу смерти... Бросаюсь вперед, секунда, и ее рука крепко зажата в моих. Дергаю ее на себя, но нога ее соскальзывает с края.

Соня кричит, зависая над пропастью. Держать ее тяжело, боюсь не справиться, но Соня хвастается за меня второй рукой, продолжает всхлипывать, но карабкается назад на крышу, помогая мне.

Подтягиваю ее, рыча от усилий, обхватываю за плечи, перетаскиваю через ограждение, и мы падаем вместе в снег. Тяжелое дыхание рвет грудную клетку, но в голове одна мысль. Я успел. Я спас ее.

Прижимаю Соню к себе. Она молчит, дрожит вся, холодная, как ледышка. Еще бы, стоять столько времени на морозе в одном легком платьице. Стаскиваю с себя теплую куртку, кутаю в нее Соню. Она не сопротивляется. Снова как безвольная кукла. Начинает всхлипывать.

– Тихо, тихо, – говорю я, глажу ее по голове, – пойдём отсюда.

– Зачем ты меня спас? Не надо было, – всхлипывает она.

– Надо, – твердо отрезаю я.

– Он все равно меня убьет. И тебя.

– Пусть попробует. Кишка тонка. Пойдем. Тебе согреться надо, – встаю сам и поднимаю ее следом.

– Я домой не пойду. Там он за мной смотрит.

– Он в квартире? – не понимаю я.

Она отрицательно качает головой.

– Камера там, – намного понятнее не стало, но это все потом.

– Хорошо. Ко мне поедem.

– Не надо. Брось меня, иначе и тебе достанется. Ты не знаешь. Он страшный человек.

– Хватит меня бабайками пугать! – поддерживаю ее, помогаю идти, она спотыкается.

С трудом доходим до двери. Баба Зина так и стоит здесь. Начинает причитать:

– Успел, голубчик, спас девочку. Как же ты милая? Чего ж это ты удумала.

– Тихо, баб Зина, – обрываю этот поток, – согреть ее надо, а к себе она идти не хочет.

Беги, чайник ставь. Как раз с пирожными попьем.

– Ой, бегу, милоч, бегу.

Соня сидит за столом на кухне у бабули. Та надела на нее теплые носки, укутала пуховым платком. Вид был бы забавный, если бы не пустой, потерянный взгляд. Бабка пытается отпаивать ее горячим чаем с какими-то травами, Соня послушно пьет, но больше никак не реагирует на ее причитания.

Не нравится мне Соня. Совсем не нравится. Допивает чай, и я тащу ее к выходу.

– Я домой не пойду, – снова заводит пластинку она.

– Конечно, не пойдешь. Ко мне поедem. Только советую тебе все же вернуться в квартиру и забрать документы и что тебе еще нужно, потому что больше я тебя сюда не пушу.

– Мне ничего не нужно, а документов у меня нет, – все также потерянно отвечает она.

– Как нет документов? – удивляюсь я.

– Вот так. Они уже давно у него.

Вот сука. Даже документы у девчонки забрал.

– Понятно. Не парься. Восстановим твои документы, если надо будет. И вещи купим. Вообще не проблема.

– Не надо мне ничего. Не хочу.

– Так, все. Пойдем отсюда. Потом решим, чего хочу, а чего не хочу.

Привожу Соню домой. Она такая же. Делает все, что говорю, но на живую не похожа. Все тот же потерянный взгляд, кутается в мою куртку, не хочет снимать, даже когда мы в квартиру заходим. Наверное, никак не отогреется.

– Сейчас горячую ванну тебе сделаю, сразу тепло станет.

– Не надо. Не станет, – вздыхает обреченно, проходит в гостиную и садится на диван. Поджимает ноги, укутывается в мою куртку с головой, ложится на маленькую подушку на самый край дивана. Как котенок, ей богу. Жалко ее, но что еще сказать, не знаю. Подхожу ближе, сажусь рядом на корточки.

– Сонь, посмотри на меня, – прошу аккуратно. Она выглядывает из своего укрытия, – все хорошо будет. Правда. – пытаюсь ее успокоить.

– Не будет. Надо было прыгать, зря ты меня спас.

Начинаю злиться.

– И что бы было тогда? Лежала бы ты сейчас на заснеженном асфальте, как куча фарша! Ты видела когда-нибудь изувеченные тела? Кровь, кишки, оторванные конечности?

Она смотрит на меня с ужасом, начинает опять всхлипывать.

– Вот и не дай бог тебе такое увидеть! Смерть – это страшно, от нее бежать надо, а не звать в гости.

– А если жить страшнее? – распахивает свои глазища, полные слез.

И что на это возразить, я не знаю, потому что да, иногда жить страшнее.

– Сонь, я тебе предлагаю помощь, – беру ее за руку. – Ты больше не одна. Я никому не позволю тебя обижать.

Трепетно прикасаюсь ладонью к ее щеке, на которой темнеет синяк, смотрю в ее глаза и вижу в них такое, от чего хочется одновременно прижать к себе до боли и головой об стену треснуться, чтобы не смотрела так. С сомнением и восхищением.

– Зачем тебе это? – тихо спрашивает она.

– Сам не знаю, – отвечаю честно.

Конечно, жалко ее, но глупо не признать, что она затрагивает во мне какие-то тайные струны, не стал бы я помогать любой другой, прошел бы мимо, а Соню бросить не могу. Как вспомню глаза ее ведьменные, голубые, полные боли и слез, в душе такая волна поднимается, что убить за нее готов. Не знаю, что это, почему и откуда, но думать об этом некогда. Это так, и я принял такое положение вещей быстрее, чем ожидал.

Глажу пальцем ее щеку, нежно, не хочу больно сделать, хватит, она и так натерпелась. Соня закрывает глаза, из них снова бегут слезы. Вытираю их, не могу смотреть, как она плачет. Сам не понимаю, как наклоняюсь к ней, и прижимаюсь губами к ее щеке, собираю губами слезы, вдыхаю ее аромат. Она снова замирает в моих руках, как испуганный заяц. Чувствую, что перестаёт дышать.

– Не бойся, – шепчу ей на ухо, – я не сделаю ничего, чего ты сама не захочешь.

– Делай. Я тебе теперь должна, – отвечает напряженно.

В душе поднимается волна гнева.

– В смысле, должна? – смотрю и пытаюсь понять, что она имеет в виду. – Я у тебя что-то требовал?

– Нет. Но ты ведь этого хочешь?

– А ты? Ты этого хочешь?! – срывает меня.

– Какая разница, я умереть хотела, а ты не дал. Теперь еще хуже будет. Он нас обоих убьет.

– Он, это Сомов Захар? – решаю уточнить, а то мало ли, а заодно подавить раздражение, рвущееся наружу.

От одного его имени она вздрагивает и морщится, всхлипывает, кивает, подтверждая мои слова. – Я уже узнал про него все. Он, конечно, тот еще мудака, но не Бог и не всесилен. Да и я не баба Зина. Спрячем тебя пока, а потом решим, как быть дальше.

– Он меня все равно найдет. Всегда находил.

– Не найдет. Успокойся. И не шугайся меня! Я тебя не трону.

– Спасибо тебе! – шепчет она. – Для меня такого никто никогда не делал.

И снова этот восхищенный взгляд, смотрит и душу из меня тянет, а я на губы ее алые плююсь и хочу впиться в них поцелуем. Но останавливаю себя, понимаю, что права она. Не время сейчас, девчонка еще час назад готова была с жизнью расстаться, да и сейчас еще не очень-то ожила, а я к ней с поцелуями лезу. И правда можно подумать то, чего нет.

– Пойдем, спать тебя уложу. Утро вечера мудренее.

– Я здесь посплю, – упрямо.

Тяжело вздыхаю.

– Соня, не беси меня! У меня в квартире две гостевые комнаты. Какого хрена ты будешь на диване спать? И куртку мою отдай, наконец. Если холодно, в одеяло завернись!

Она неохотно снимает куртку, отдает мне и идет следом. Я открываю дверь одной из спален, пропускаю ее вперед.

– Вот. Располагайся. Если все же решишь искупаться, ванна знаешь где. В шкафу есть новый халат и тапочки, бери, не стесняйся.

Она кивает, я выхожу из комнаты, но дверь оставляю приоткрытой. Страшно оставлять ее одну, но надо. Пусть придет в себя, успокоится. Укладываюсь в постель, долго ворочаюсь, только начинаю дремать, как слышу легкие шаги, вскидываю голову, на пороге стоит Соня.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Мне страшно, – шепчет, – можно, я посижу тут.

– Нет, посидеть нельзя. Неси одеяло и ложись рядом. Места полно. Обещаю не трогать тебя. Она кивает и убегает в другую комнату. Быстро возвращается с одеялом в руках, укладывается на другую сторону кровати, закутывается до подбородка, кажется, засыпает. А я еще

долго лежу и, как дурак, пялюсь на нее, пытаюсь уловить запах волос. Они разметались по подушке, я прижимаюсь к ним щекой, зарываюсь носом, балдея от запаха, который вмиг заводит, приводя член в боевую готовность. Еще несколько секунд глубоко вдыхаю, и все же усилием воли отрываюсь и заставляю себя перевернуться на другой бок. Иначе я за себя не ручаюсь.

Глава 8.

Просыпаюсь и первые мгновения не могу понять, где я. Охватывает паника, события вчерашней ночи всплывают в памяти страшными кадрами: звонок Захара, снег, крыша, Андрей и его перепуганное лицо.

Понимаю, что я в его кровати, и на мне покоится мужская рука. Она лежит на моем бедре, а сам Андрей спит, уткнувшись в мои волосы.

Странно, но это успокаивает. Паника сразу проходит, рядом с ним мне хорошо и спокойно. Я совсем не против, чтобы он обнял меня покрепче.

Аккуратно переворачиваюсь на спину, чтобы видеть его во сне. Какой он красивый, когда спит. Рассматриваю его внимательно, темные непослушные волосы, легкая щетина на щеках, над бровью небольшой шрам.

Я ведь до этого так боялась, что даже смотреть на него себе запрещала. А он меня спас. Как он узнал, где я? Откуда появился в последний момент? Я не знаю. Наверное, это Бог послал его ко мне. Хотя я понимаю, что еще ничего не закончено. Захар не отстанет от меня, за себя мне уже не страшно, а вот за Андрея очень.

Но все равно я безумно благодарна, что он появился в моей жизни. Он сказал, что все будет хорошо, и я очень хочу ему верить. Раз уж умереть у меня не получилось, значит, мне нужна хотя бы какая-то передышка от страхов и отчаяния, от черной безысходности. А рядом с ним я чувствую себя защищенной.

Вчера я не зря не хотела снимать его куртку, она пропиталась его запахом, и в ней я чувствовала себя в безопасности. Как только сняла ее, и улеглась в холодную кровать, на меня снова набросились демоны страхов и сомнений. Поэтому я прибежала сюда. А рядом с Андреем заснула сразу. Он теперь мой ангел-хранитель.

А еще я очень благодарна, что он не тронул меня вчера, хотя если бы захотел, я бы сделала для него все. Он спросил меня, хочу ли этого я? Определенно хочу, особенно когда вспоминаю его обнаженное тело в то утро и жаркий взгляд. Но я так долго запрещала себе смотреть и думать о ком-то, что до сих пор эти мысли и чувства кажутся мне губительными. И вчера я точно не была готова к близости.

Я бы продолжила размышлять и дальше, но чувствую вдруг болезненный спазм в животе и понимаю, что безумно хочу есть. Это добрый знак, особенно если учесть, что предыдущие два дня я почти ничего не ела. Мне кусок в горло не лез. Поэтому сейчас я аккуратно встаю с постели и иду изучать квартиру и содержимое холодильника.

А там совсем не густо. Половина палки колбасы, яйца и два помидора. А еще какая-то каша в кастрюльке, которую уже явно пора отправить в мусорное ведро.

Не могу удержаться, беру в руку палку колбасы и откусываю, не отрезая, следом кусаю помидор. Боже! Как вкусно. Закрываю глаза от наслаждения. Откусываю еще один кусок и понимаю, что на меня смотрят. Резко открываю глаза и замираю. Андрей стоит в дверях и со смехом взирает на меня.

– Ничего себе! Ты не нашла нож? – одаривает меня преступно-очаровательной улыбкой. Я краснею, как помидор, который держу в руке.

– Извини, я просто проголодалась, – бормочу я, пряча от него глаза.

– Чёрт, я тоже, – подходит ко мне вплотную и кусает колбасу прямо из моих рук, потом нацеливается на помидор, откусывает приличный кусок, причем так, что его губы проходятся по моим пальцам, сок течет по руке.

Я замираю, глядя на эту картину. А Андрей говорит с набитым ртом:

– А так действительно вкуснее, – прожевывает, не сводя с меня глаз, – и помидор мне понравился больше.

Снова наклоняется к моей руке, губами забирает последний кусочек помидора, плавно перемещается на пальцы, собирая с них сок. Мизинец берет в рот и слегка посасывает. Это рождает напряжение внизу живота, я заморожено смотрю на него, а он на меня. Этот жаркий взгляд и совершенно неприличные движения губами по моему пальцу рождают совершенно забытые чувства. Дыхание сбивается, Андрей тоже тяжело дышит, подвигается ближе, притягивает за талию, я чувствую жар его обнаженного по пояс тела, как в замедленной съемке он наклоняется, проводит языком по моим губам, начинает нежный поцелуй.

Тону в его вкусе и запахе. Так меня не целовали никогда. Захару вообще это не нравилось, разве что жесткие быстрые поцелуи, больше похожие на укусы. Поэтому сейчас я просто таю в руках Андрея, отвечаю на поцелуй, позволяю ему ласкать меня губами и слегка посасывать язык. В голове туман, я обнимаю Андрея за плечи, чтобы устоять и притянуть ближе, его руки перемещаются на мою талию и ниже. Движения легкие и осторожные, хотя мне уже хочется более смелых. Его губы перемещаются на мою шею, ласкают мочку уха, я не выдерживаю, выдавая тихий стон.

Не знаю, до чего бы мы дошли, но нас прерывает мелодия телефона. Андрей замирает на секунду, тяжело дыша, потом достает телефон из кармана спортивных штанов, смотрит на номер, ругается тихо и отвечает:

– Слушаю! – отпускает меня и отходит на несколько шагов.

Я опираюсь о столешницу, чтобы не упасть. Андрей выходит из кухни, продолжает разговор, а я стою, пораженная своими эмоциями, и пытаюсь восстановить дыхание. Возвращается он через минуту. Подходит сразу вплотную ко мне, смотрит внимательно, подносит руку к моему лицу, заправляет прядку волос за ухо.

– Я уже опаздываю. Спасибо за завтрак. Он был лучший в моей жизни! – легко целует в губы и уходит в спальню.

Возвращается через пару минут уже полностью одетый. Понимаю, что он собирается уходить. Это вызывает в душе тоску и страх. Без него мне будет сложно.

Перед входной дверью Андрей останавливается.

– У меня есть несколько срочных дел, ты никуда не выходи, хорошо?

Я киваю. Куда я пойду? У меня ведь даже одежды нет. Эта мысль снова заставляет почувствовать себя бездомной оборванкой, которая свалилась на его голову.

Андрей подходит вплотную, поднимает за подбородок мое лицо и говорит, глядя прямо в глаза:

– Все будет хорошо, я же обещал? Я постараюсь быстро вернуться. Отдыхай пока, там на столике домашний телефон, рядом лежит моя визитка, если что, звони. Вернусь, принесу вкусняшек. Знаю, что в холодильнике продуктов мало, но уж извини, не подготовился.

– Ничего, это не страшно.

Андрей целует меня в щеку и выходит из квартиры. Как только за ним закрывается дверь, я снова чувствую себя потерянной, беззащитной. Брожу по квартире, проходя мимо прихожей, решаю заглянуть в шкаф. А ушел в пальто, поэтому моя любимая кожаная куртка должна быть на месте. Снимаю ее с вешалки, закутываюсь поплотнее и иду завтракать. Вид идиотский, но так я чувствую себя спокойно, как будто рядом мой защитник и мне ничего не угрожает.

Глава 9.

Выхожу из квартиры, хоть и не хочется оставлять Соню одну. Радует, что сегодня она была не против моих поцелуев, более того, кажется, ей нравилось. А мне теперь успокоиться после такого "завтрака" крайне сложно, но необходимо.

Я и так в офис попал на час позже, чем планировал. Быстро порешал все дела, предупредил всех, что меня не будет несколько дней, может больше, позвонил своему другу Серёге, мы с ним вместе служили когда-то.

Он сам живет недалеко от меня, но у него есть прелестный домик за городом на окраине одной деревушки. Я хочу там укрыть Соню. Зимой Серёга в доме бывает редко, ключи я знаю, где лежат, правда, там нет таких уж шикарных условий, зато это самый надежный вариант.

Теперь предстоит нелегкая задача. Нужно приобрести Соне самые необходимые вещи. Причем, сделать это нужно без ее участия.

Следующие два часа я трачу на хождение по мукам. Спасибо, мне попалась адекватная продавщица примерно Сониной комплекции, которая сделала благодаря мне, наверное, месячную выручку, зато подобрала кучу шмоток, начиная от носков и заканчивая пуховиком и шапкой.

Конечно, можно было разориться и на шубу, но в том месте, куда я собираюсь утащить Соню, шуба будет совершенно бесполезным предметом.

Теперь осталось самое сложное – белье и обувь.

В магазине нижнего белья я основательно зависаю от обилия откровенных кружев и шелка. Стоит только представить это на Соне, как в штанах снова становится тесно. В итоге покупаю штук пять комплектов разных цветов и еще то, что посоветовала продавщица.

С обувью оказалось еще сложнее. Пришлось все же звонить домой и спрашивать у Сони размер ноги. Выбираю для нее несколько пар самой необходимой обуви. Еле дотаскиваю все это барахло до машины.

Следующий этап – продуктовый. Основательно затариваю багажник всем необходимым и отправляюсь домой.

Захожу в квартиру, тишина. Настолько тихо, что проскакивает мысль – Соня убежала. Бросаю у порога кучу пакетов и прохожу дальше, с беспокойством оглядываясь по сторонам. Замечаю Соню на диване в гостиной. Она спит и, что самое странное, на ней опять моя куртка. Она снова завернулась в нее, как в кокон. Замерзла?

Подхожу ближе. Смотрю на ее нежное лицо, во сне она прекрасна. Вид портит только синяк на щеке. Именно это возвращает меня к действительности. Она все еще в опасности и надо ее срочно спрятать. Жалко ее будить, но времени мало. Надо срочно выезжать, чтобы успеть приехать на место засветло.

Трогаю Соню за плечо, она вздрагивает, соскакивает резко.

– Тихо, тихо, – успокаиваю ее, – это я, все хорошо.

– Привет, – сонно бормочет она. – Я заснула, да?

– Да. Ты заснула, только почему на диване и опять в моей куртке? Замерзла?

– Нет. Просто..., – делает паузу, подбирая слова, – мне так захотелось.

– Понятно, – что ничего не понятно. Ну да ладно. – Я там тебе вещи купил, иди, посмотри, переоденься и надо выезжать.

– Куда? – испуганно вскидывает глаза.

– В безопасное место, там тебя точно никто не найдет.

Она кивает, встает и неуверенно оглядывается.

– Пойдем, отнесем вещи в спальню, посмотришь, все ли подойдет.

Ташу кучу пакетов в спальню, оставляю растерянную Соню разбираться с вещами.

Сам иду на кухню, подогреваю привезенный готовый обед, завариваю зеленый чай без сахара Соне, себе кофе.

Она возвращается на кухню. Новые джинсы и белый пушистый свитер очень идут ей.

– Ты сам все это выбирал? – спрашивает она.

– Почти. Продавщица помогла.

– Спасибо, – говорит она, смотрит смущенно. – Это все дорого, я знаю, – начинает бормотать, – я отдам...

– Тихо! – обрываю ее. – Это все подарок. Не обижай меня.

– Спасибо, – опускает глаза.

Подходит вплотную ко мне, кладет руку на грудь, я замираю. Снова взгляд этот, полный восхищения и благодарности. Не знаю почему, но от него мне каждый раз становится не по себе. Так бездомная собака смотрит на хозяина, приютившего ее. Не должна так женщина смотреть на мужчину.

– Для меня никто никогда такого не делал.

– Я такого тоже ни для кого никогда не делал.

– Ты очень добрый!

– Нет, Соня, я не добрый, – начинаю злиться, – я просто не люблю, когда всякие зарвавшиеся козлы обижают тех, кто не может им ответить. Но об этом мы потом поговорим. А сейчас собирайся, перекусим и поедем.

Засветло добраться не получилось, когда подъезжаем к нужному дому, на улице уже почти темно. Еще и снегопад начался. Хорошо, что дорогу нашли. Здесь если все заметет, то добраться становится практически невозможно. Соня притихла, смотрит вокруг с опаской.

Дом небольшой, стоит на окраине деревни, за ним начинается лес. Это деревянный сруб, довольно старый, доставшийся Сереге от бабушки. Он его не бросил, продать его крайне сложно даже за копейки, а природа здесь просто шикарная. Сергей отремонтировал дом и часто приезжает сюда на охоту и рыбалку. Зимой, конечно, реже, но все необходимое для жизни здесь есть.

Выходим из машины, заходим в калитку, нахожу ключ от дома под крышей сарая, заходим внутрь, в доме холодно. Еще бы, здесь с начала зимы никого не было.

Щелкаю старым, еще советским выключателем, загорается тусклый свет. Дом холодный, неприветливый. Как будто не рад непрошеным гостям. Обстановка спартанская, стол, холодильник, старый умывальник, полы здесь мылись в последний раз не известно когда. Надеюсь, Соня не испугается такой обстановке.

Первым делом нужно растопить печь, и пока дом прогреется, пройдут как минимум сутки.

– Ты располагайся пока, осматривайся. Я пойду растапливать печку. Как видишь, здесь все очень просто, условий особых нет. Зато безопасно.

– Все нормально, – уверяет Соня. – Я выросла в деревне, кстати, могу помочь с печкой. Я помню, как ее топила бабушка.

– Нет, – смеюсь я. – Ты пока разберись с вещами, спальня там, – показываю направление, – сейчас главное печь затоплю, а дальше видно будет.

Печь трещит, от нее уже идет приятное тепло, от которого немного отогревается и душа. Но в доме все еще холодно. Поэтому я поддвигаю поближе к печке старое кресло и предлагаю Соне присесть. Но она не торопится, разбирает продукты, уже нашла где-то чайник, просит меня принести воды.

Вода здесь только в колодце, поэтому беру ведро и отправляюсь во двор. С трудом пробирюсь по сугробам до колодца, набираю воды, отношу ведра в дом. Пока Соня хозяйничает, решаю почистить дорожки.

Намахавшись вдоволь лопатой, возвращаюсь в дом и сразу замечаю перемены. Соня уже успела навести порядок, на столе откуда-то появилась скатерть, а еще в комнате витает аппетитный аромат жареной картошки. Когда она все это успела?

– Заходи, руки мой, сейчас кушать будем.

Захожу в комнату, которую Серёга переделал под ванную, и отмечаю с приятным удивлением, что здесь появился унитаз, нормальная раковина и даже душевая кабинка. Надо же, цивилизация добралась и до этой глуши. Значит, Серёга летом все-таки доделал хитрую систему, которая качает воду из колодца. Правда, воды в кране нет, значит, она либо где-то перекрыта, либо это только подготовительный этап, и пока удобств в этом доме нам не видать. Возвращаюсь на кухню, мою руки по старинке в умывальнике, похожем на Мойдодыра из мультика. Соня уже накрыла на стол, я чувствую, что дико проголодался. Готов быка съесть. Поэтому без лишних предисловий сажусь за стол и набрасываюсь на еду. Соня поглядывает на меня и грустно ковыряется в тарелке.

– Почему не ешь? – спрашиваю я.

– Не хочется. Я пока готовила, наелась.

Ага, наелась она. А то я не вижу, что ее опять нервы быют. Ладно. Тяжело вздыхаю.

– Кстати, очень вкусно, но чего-то не хватает.

– Соли? – подсказывает Соня, чтобы бежать за солонкой.

– Нет, не соли. Сядь.

Она возвращается на место, а я иду к сумкам, которые мы еще не до конца разобрали, и нахожу бутылку вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.